

УДК 821.161.3'06-3

О. А. Лиденкова

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка,
УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

АТЕМПОРАЛЬНАЯ УТОПИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ АВТОРОВ

В статье в компаративном аспекте исследуются вопросы темпоральности в жанре исторической прозы в контексте предшествующей традиции классического исторического романа, а также анализируются причины усиления взаимосвязи времени и пространства в современных произведениях белорусских и британских авторов. На примере произведений Х. Ментел, А. Мура, П. Акройда, А. Аркуша, Е. Асноревского, А. Длатовской и др. прослеживаются стилистические черты мотива атемпоральной утопии как вечного, вневременного пространства культурной памяти. При этом можно выявить ряд универсальных для авторов разных стран образов, которые воплощают подобную идеальную локацию: лабиринт, подземная библиотека («Зала Ведаў»), параллельная «реальность поэтов» («измерение англо-ангелов»), мистический Иерусалим. Рассматривается взаимосвязь данного мотива с понятием культурной травмы, а также проблемой личной и национальной идентификации и потери чувства принадлежности.

Ключевые слова: современная литература, историческая проза, жанр, темпоральность, утопия, культурная память.

Введение

Жанровая специфика исторической прозы неоднократно становилась предметом литературоведческого интереса, начиная с хрестоматийной работы Г. Лукача «Исторический роман» 1937 г., в которой он проследил генетическую связь между романами В. Скотта и величайшими произведениями европейской литературы XIX века и выделил классические характеристики жанра, до новейших трудов Д. Уоллес, И. Хёрст, Дж. Де Гру, Л. Синьковой, И. Чароты, О. Шинкоренко, Т. Комаровской и др.

При этом наблюдается недостаточная исследованность жанрово-стилистических особенностей белорусской исторической прозы конца XX – начала XXI века. Многие публикации лишь косвенно затрагивают данный вопрос в контексте изучения общих теоретических вопросов жанра романа либо посвящены творчеству отдельных авторов, как, например, диссертация И. Доморад об особенностях стили исторической прозы О. Ипатовой. При этом поэтика современной исторической прозы в компаративном аспекте практически не изучена, чем и обусловлена актуальность подобной темы.

Целью данной статьи является выявление специфических черт хронотопа атемпоральной утопии в современной исторической прозе белорусских и британских авторов, а также определение характера соотношения субъективного времени художественного произведения со временем объективным. Под атемпоральной утопией мы будем понимать художественное изображение идеального вневременного (вечного и неуничтожимого) пространства, которое выполняет функцию вместилища культурной памяти народа.

Результаты исследования и их обсуждение

Восприятие времени и хронология сюжета в современной исторической прозе нередко отличаются от традиционного исторического романа, определяющей чертой которого, как отмечал Г. Лукач и его последователи, является именно четко обозначенная разница между *«тогда»*, временем о котором идет повествование, и условным *«сейчас»*. Классическая форма жанра подчеркивала прогрессивный ход истории, последовательную сменяемость общественно-политических условий и соответствовавших им моделей мышления, наглядно доказывая, что «особенности характера людей вытекают из исторического своеобразия их времени» [1].

Однако в современных условиях писатели нередко видят свою задачу совершенно противоположным образом: не подчеркнуть различия между прошлым и более рациональным и модернизированным настоящим, но, наоборот, акцентировать неизменные черты человеческой психики вне зависимости от эпохи и утвердить в сознании читателя идею преемственности поколений, инициировать их своеобразный диалог. Первостепенной при этом является идея исторической преемственности, в различных эпохах подчеркивается не чужеродное, отличное, своеобразное, а универсальное, созвучное современному.

В романе «Viper wine» Г. Эйр время похоже на испорченный радиоприемник, который одновременно улавливает передачи на разных волнах, так что читателю иногда сложно понять, о какой из реальностей или эпох идет повествование. Страсть людей прошлого к зельям шарлатанов и алхимиков, будто бы дарующим молодость и вечную жизнь, перебивается обрывками рекламы «уколов красоты» и пластической хирургии, а художник ван Дейк становится мастером фотошопа XVII века: *«В жизни могло произойти что угодно: слишком много ботокса, выпивки, неудачная пластика губ – но ничто не отразилось на ее изображении, когда оно стояло на мольберте, подправленное и отредактированное. В этом на Ван Дейка всегда можно было положиться»* («*Anything could have happened to her in life, too much Botox, or too much drink, or a botched lip job – none of it showed once her image was up here, tweaked and manipulated. Van Dyck could always be counted upon*») [2, с. 348].

В своеобразном состоянии атемпоральности существует герой трилогии Х. Мендел Томас Кромвель, постоянными собеседниками и советниками которого становятся призраки жены, кардинала Уолси, Томаса Мора или Анны Болейн.

Доступ к подобному пространству памяти – вполне в соответствии с усиливающимися нео-романтическими тенденциями современной прозы – имеют, прежде всего, люди творческие и неординарные, способные к духовному видению, откровению через тонкое ощущение окружающего мира и природы (и, соответственно, способные настроиться на невидимое историческое измерение). Это поэты, литераторы, художники, дети и даже склонные к безумию бродяги. То есть те, кто полагается не на рассудок и сухие факты архивов, а на интуитивно-эмоциональное переживание событий.

В прозе А. Аркуша можно выделить время биографическое (индивидуальная память), время-вечность космоса (природы), время локальной, национальной истории (роман «Мясцовый час») на фоне более широкого контекста истории мировой, и все эти временные потоки переплетаются и сосуществуют в улицах и дворах родного города, в древнем силуэте Софийского собора, в течении Двины, которая и выступает собирательным образом истории. Еще более сложные взаимоотношения между различными временными потоками представлены в романе А. Мура «Jerusalem». Не только конкретные городские топосы, но и земля становятся неким «банком памяти», и как на сложенной карте удаленные точки неожиданно оказываются рядом, так и «карта» времени сминается, призраки разных эпох сосуществуют, ведя обычную, хоть и невидимую жизнь в одном пространстве с живыми, и исторические слои проступают друг сквозь друга на слишком тесном пространстве небольшого городка: *«Далее последовало рассуждение о топографии, но такой, где объект проецировался в метафизической плоскости. Ему объяснили, что Ламбет соседствовал бы с далеким Нортгемптоном, если бы они находились на сложенной определенным образом карте; что удаленные друг от друга локации можно представить как словно находящиеся в одном месте»* («*Next there was a discourse on topography, albeit one in which that subject was projected to a metaphysical extreme. It was made clear to him that Lambeth was adjacent to far-off Northampton if both were upon a map that should be folded in a certain way, that the locations although distant could be in a sense conceived as being in the same place*») [3, с. 4].

Именно взаимосвязанность и взаимообусловленность пространства и характера людей, его населяющих, единство поколений в некоем духовно-историческом измерении (подобно полочному и жодинскому измерениям А. Аркуша или В. Орлова) стремится подчеркнуть автор в своем повествовании, создавая некое идеальное вневременное вместилище культурной памяти. Делается это часто через апелляцию к чувству принадлежности к конкретной локации. Исторический ландшафт родного города становится условием контакта современности и традиции, проводником и ключом к коллективной памяти, а через это толчком к осознанию героем себя и своей ценности как личности, потому что «история родного города становится его собственной историей; городские стены, башни на городских воротах, постановления городской думы, народные празднества ему так же знакомы и близки, как украшенный картинками дневник его юности; он открывает самого себя во всем этом, свою силу, свое усердие, свои удовольствия, свои суждения, свою глупость

и свои причуды» [4]. Именно память о времени расцвета города становится средством противостояния несовершенству и деградации, которые авторы видят в современности, что отражает характерное для большинства рассматриваемых писателей восприятие исторического процесса не как развития и прогресса, но как угасания. Именно поэтому многие романы целиком или частично обращаются ко временам юности героев. Это возвращение не просто памяти о прошлом, но свежести и красок в восприятии действительности, ощущения, что лучшее еще впереди. Подобный подход доминирует, например, в произведениях И. Макьюэна и А. Аркуша. Как обосновал эту черту другой автор «полоцкой» школы В. Орлов в своей повести «Танцы над горадам», «гэтая гісторыя пачалася вельмі даўно, калі я быў яшчэ неўміручы» [5, с. 2]. Молодость в норме видит мир красивым, и лишь для постаревшего человека он теряет притягательность, тайну, легенду. Возвращаясь в родные места уже взрослыми, герои А. Аркуша с удивлением обнаруживают, что и город не так интересен, и река не так широка, как им казалось. Поэтому таким важным представляется возвращение в мир знания о чуде, иного измерения действительности. Память, таким образом, становится основным инструментом противостояния смерти.

Писатель придает ценность и смысл существованию героев, повышая ценность и значимость места, где они живут. К. Цвирко в 2007 г. пишет книгу «Будзіла вёску берасьцянка» об истории совсем небольшой полесской деревни, что стало довольно неожиданным событием для белорусской литературной среды: «Нават ня кожны беларускі горад мае сваю напісаную гісторыю, а тут цэлы фаліант на 300 старонак – пра невялікую лясную вёску» [6].

А. Аркуш, А. Торп создают эпическую, мифологизированную историю неизвестной деревни или городка, часто настолько непримечательного, что «просто пребывание здесь уже отнимает десять лет жизни» («*Simply living here takes ten years off your life*») [7]. А. Мур сочиняет эпос своего города в стиле космогонических видений Уильяма Блейка (который наряду с Джойсом и многими известными английскими писателями появляется в книге) и буквально превращает его в мифологический Иерусалим – небесный град, землю обетованную и исторический центр вселенной через систему аллюзий на одноименное стихотворение Блейка, которое, в свою очередь, вобрало множество мифологических мотивов и долгое время считалось негласным гимном английской идентичности:

<i>I will not cease from Mental Fight, Nor shall my Sword sleep in my hand: Till we have built Jerusalem, In Englands green & pleasant Land</i> [8].	<i>Мой дух в борьбе несокрушим, Незримый меч всегда со мной. Мы возведём Ерусалим В зелёной Англии родной (перевод С. Маршака)</i>
--	--

Вписывая родной город в национальную историю, показывая неизвестные или забытые события, связывающие, казалось бы, удручающе непримечательное место с важнейшими фигурами и событиями национального прошлого, авторы преобразуют не только само это место, но и самоощущение его жителей через наглядное доказательство «*наивысшей ценности исторически-антикварного инстинкта*», который дарует «*счастье, связанное с сознанием, что твое существование не есть дело случайности и произвола, но есть наследство, цвет и плод известного прошлого и что оно в этом находит свое извинение и даже оправдание*» [4].

Ландшафт как воплощенное, материализовавшееся время становится носителем и проводником памяти. Просто проходя по старинным улицам, прикасаясь к фрескам, выпадают из обыденности и современности герои А. Мура; по историческому Гродно, где возрождается Фара Витовта, гуляет герой Е. Асноровского в «Трыкутніке караля». Таким образом, к обычному физическому пространству ландшафт добавляет еще одно вечное историческое измерение.

Не теряет своей актуальности и притягательности лабиринт, ставший после повести В. Ластовского центральным образом различных концепций белорусской идентичности, порталом к своим истокам, потерянной Кривии, белорусской Атлантиде, «*дзівоснага паралельнага падземнага сусвету, дзе спрадвечная Беларусь – Крыўя – жывейшая за ўсіх жывых у зьянні пячорных сцен, пакрытых “элементам, падобным да радыю, з якога пабудована сонца”*» [9]. В подземелья на поиски духовных сокровищ и ответа на семейные тайны отправляют своих героев Л. Рублевская и А. Аркуш, а аллюзии на миф о Тезее становятся отличительной чертой современной белорусской литературы. В формулировке С. Шидловского, «*лабірынт – гэта спалучэнне мясцовых прафанных летуценняў аб схаваных скарбах – каштоўнасцях цалкам матэрыяльных, з марамі нацыянальнай інтэлігенцыі аб вяртанні і засваенні духоўных набыткаў народу, скрадзеных, здраджаных,*

занядбаных. <...> змаганне за сімвалічны капітал – імкненне ўступіць у фактычнае валоданне тысячагадовай гістарычнай спадчынай Полацка» [10]. Даже проста доступ в него открывается лишь человеку, вставшему на путь личностного преобразования (через обращение к своим семейным и национальным корням), борьбы с собой и с деструктивными чертами национального менталитета.

Схожую символику поиска, изживания и искупления прошлых ошибок имеет образ лабиринта Х. Мендел: «Кардинал Уолси исчезал, словно великое тканое полотно распускалось на алые нити, которые могли привести алый лабиринт с умирающим в своем сердце чудовищем» («as if Wolsey's unravelling, in a great unweaving of scarlet thread that might lead you back into a scarlet labyrinth, with a dying monster at its heart») [11, с. 284].

Вариант лабиринта как прерванной, забытой национальной истории, которая внезапно вскрывается и начинает разрушать уютную современность, представлен в детективном цикле «Garnethill» шотландской писательницы Д. Мина, где средневековые катакомбы буквально поглощают современный город, словно прошлые поколения заложили слишком ненадежный фундамент для нынешней нации: «Опоры, поставленные средневековыми шахтерами, оказались слабее, чем они предполагали. <...> Мэрихилл проваливался в пятисотлетнюю дыру» («the medieval miners had left weaker struts in it than they had supposed. <...> Maryhill was falling into a five hundred-year-old hole») [12, с. 166].

Таким образом, идея лабиринта обретает целый комплекс оттенков от простой семантики возвращения утраченной культуры (Зала Ведаў В. Мажилковского, сюжеты о поиске полоцкой библиотеки и др.), символа контркультуры и борьбы с подменой истории конъюнктурными стереотипами («Ген» Длатовской) до более многомерного понятия, в котором сливается значение некоего мистического ценностного ядра нации.

Уверенность в том, что без постоянного контакта с собственной культурой и семейной традицией герой обречен быть жертвой и объектом манипуляции, мы видим у всех рассматриваемых авторов. Неслучайно главным злодеем антиутопии А. Длатовской «Ген зямлі» является организация с вполне оруэлловским названием С.О.Н. (Система Охраны Наследия), ее предназначение – поддержание культурной амнезии путем уничтожения сохранившихся памятников архитектуры (ту же символику сна мы видим в романе К. Исигуро «Buried Giant», произведениях А. Федоренко, В. Казько и др.). И начинается роман с разрушения Мирского замка: «Камяні ляцелі долу, пакідаючы ў сырой лістападаўскай глебе падобныя да інараў выбаіны. Каціліся, зрукалі адзін аб адзін, заміралі. Нібы паміралі» [13, с. 2].

Заметным топомосом в произведениях как белорусских, так и британских авторов становится остров, идеальный белорусский хутор (А. Аркуш), где «ні табе старшыні калгаса, ні нават брыгадзіра. Сам сабе гаспадар» [14, с. 90]. Это, с одной стороны, отражение предельно атомизированного общества, разделенного противоположными ценностями (Минск против Города-героя из «Каларадскай пушчы» С. Квятковского), с другой – утопия идеального общества. Персонажи белорусских авторов нередко – «Рабінзоны Крузы з уласнага жадання»: «Калі б прадавалі ў Беларусі зямлю, я б купіла сабе высту на якім-небудзь глухім маляўнічым беларускім возеры. Пабудавала б на ім невялічкую хатку» [14, с. 90]; [15, с. 82]. Остров – территория свободы, где можно «Напісаць гісторыю высты. Закласьці на яе тэрыторыі помнікі й ландшафтныя заказнікі» [15, с. 82]. Пародийной трансформацией этого топомоса является идея гетто (С. Квятковский, А. Длатовская).

Заклучение

Таким образом, использование исторического ландшафта как материального воплощения вечного параллельного измерения культурной памяти становится типичной чертой современной исторической прозы как белорусских, так и британских авторов. Это идеальное пространство, в котором можно восстановить связь поколений, возродить утраченное культурное наследие, и тем самым придать твердое философское, историческое и психологическое обоснование процессу формирования личностной и национальной идентичности персонажей. Это особое пространство памяти, которую нельзя стереть, украсть, вывезти или исказить в угоду определенной идеологии.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лукач, Г. Исторический роман [Электронный ресурс] / Г. Лукач // Литературный критик. – 1937. – № 7, 9, 12; 1938. – № 3, 7, 8, 12. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/lukach_georg/istoricheskiy_roman.html#0. – Дата доступа: 10.12.2015.
2. Eyre, H. Viper wine / H. Eyre. – London : Vintage Books, 2015. – 432 p.

3. Moore, A. Jerusalem / A. Moore. – Liveright Publishing Corporation, A Division of W. W. Norton & Company, 2016. – 1266 p.
4. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – Режим доступа: <https://nietzsche.ru/works/main-works/history/>. – Дата доступа: 29.07.2021.
5. Арлоў, У. Танцы над горадам: тры аповесці / У. Арлоў. – Vilnius [Вільнюс] : Логвінаў, 2017. – 193 с.
6. Скобла, М. Будзіла вёску берасьцянка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.svaboda.org/a/870447.html>. – Дата доступу: 02.08.2021.
7. A glorious mythology of loss: Alan Moore's "Jerusalem" [Electronic resource] // Los Angeles Review of Books. – 2017. – Mode of access: <https://lareviewofbooks.org/article/a-glorious-mythology-of-loss-alan-moores-jerusalem/>. – Date of access: 29.07.2021.
8. Blake, W. Jerusalem ["and did those feet in Ancient time"]... [Electronic resource] / W. Blake. – Mode of access: <https://www.poetryfoundation.org/poems/54684/jerusalem-and-did-those-feet-in-ancient-time>. – Date of access: 05.09.2021.
9. Балахонаў, С. Белліт аднаго жыцця [Электронны рэсурс] / С. Балахонаў // journalby.com. – Рэжым доступу: <http://journalby.com/news/bellit-adnago-zhyccya-syargey-balahonau-1060>. – Дата доступу: 29.07.2021.
10. Шыдлоўскі, С. А. Кніга з Полацка : Да Традыцыі Полацкай Метагістарычнай прозы [Электронны рэсурс] / С. А. Шыдлоўскі // Маладосць. – 2017. – Рэжым доступу: <https://shydouski.by/kniga-z-polacka.html>. – Дата доступу: 02.08.2021.
11. Mantel, H. Wolf Hall: a Novel / H. Mantel. – Henry Holt and Co., 2010. – 532 p.
12. Mina, D. Garnethill / D. Mina. – Carroll & Graf Publishers, 2001. – 352 p.
13. Длатоўская, А. Ген зямлі : аповесць / А. Длатоўская. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 131 с.
14. Аркуш, А. Сядзіба : раман / Алесь Аркуш. – Полацак : Выдавецкая ініцыятыва «Полацкае ляда», 2017. – 140 с.
15. Аркуш, А. Спадчына : раман / Алесь Аркуш. – Полацак : Выдавецкая ініцыятыва «Полацкае ляда», 2018. – 148 с.

Поступила в редакцию 15.09.2021

E-mail: hollin7@gmail.com

V. A. Lidziankova

ATEMPORAL UTOPIA IN THE CONTEMPORARY HISTORICAL FICTION OF THE BELARUSIAN AND BRITISH AUTHORS

The article is devoted to the comparative study of the notion of temporality in the genre of historical fiction in the context of the previous tradition of the classical historical novel. The reasons for the strengthening of the relationship between time and space in the works of contemporary Belarusian and British authors is carefully examined and analysed. The stylistic features of the motive of an atemporal utopia, an eternal, timeless space of cultural memory are traced in the texts by H. Mantel, A. Moore, P. Ackroyd, A. Arkush, E. Asnorevsky, A. Dlatovskaya and others. The correlation of this motive with the modern identity crisis and the loss of a sense of belonging is considered. At the same time, it is possible to identify a number of universal images that embody such an ideal location and are used across the texts produced by authors from different countries: a labyrinth, an underground library (“Hall of Knowledge”), a parallel “reality of poets” (“dimension of angels-angles”), Jerusalem of light.

Keywords: contemporary literature, historical fiction, genre, temporality, utopia, cultural memory.